
Источник: Далада Н. Ф. Падение Мансурова : (повесть В. Тендрякова «Тугой узел») // Степные дали : лит.-критич. ст. / Н. Далада. – Москва, 1963. – С. 52-74.

ПАДЕНИЕ МАНСУРОВА

(Повесть В. Тендрякова «Тугой узел»)

Повесть Владимира Тендрякова «Тугой узел» — это как бы продолжение «Не ко двору», хотя в ней и действуют другие люди. На этот раз писатель задался целью показать мещанина, облеченного властью, мещанина, которому легче, нежели ряшкиным, обеспечить материальное благополучие и которому нет нужды сатанеть над огурчиками, выкармливать собственного подсвинка, складывать в сундук обновки. Он «окультурился», «вырос» из старинного сундука, приобрел внешний лоск и новые привычки и... потянулся к власти.

Произведение это сбило с толку некоторых наших критиков. Статьи «Трудный путь» К. Лебедевой, «Первые уроки жизни» Е. Стариковой, «Воспитание правдой» Т. Смолянской уже своими названиями свидетельствуют о том, что их авторы, приступая к анализу повести, не попыта-

лись разобраться в ее содержании по существу. Отсюда и обвинения в адрес автора, и неудовлетворение его произведением в целом, и восхваление «частностей», и необоснованный приговор.

Почти все авторы статей и рецензий о повести сошлись на том, что писатель не сумел реализовать интересный замысел воспитания молодого человека правдой жизни.

Ю. Суровцев писал в «Литературной газете»: поставив Сашу перед решением серьезных задач, Тендряков тут же бросает его. Критик сетует, что Мансуров и мансуровщина оттеснили тему Саши на задний план. По Суровцеву, Тендрякову следовало детально «разработать» образ своего юного героя, показать, как он в результате напряженной внутренней борьбы приходит к правде. Опираясь на это пожелание, критик приходит к выводу, что повесть композиционно несовершенна, рыхла, лишена внутренней целеустремленности и т. п.

Если уж говорить о композиции повести, то следует заметить, что художник не пошел по проторенной дорожке. Ведь главный герой повести не Саша. Его образ — скорее зеркало, в котором отражаются как светлые, так и темные стороны нашей действительности. Образ Саши помогает понять, как и в каком направлении жизнь влияет на формирование характера человека, какие опасности ожидают его на пути к зрелости, что мы должны предпринимать, чтобы он не шел по ложному пути.

Настаивая на том, чтобы писатель создавал книгу о Саше, в полный рост показал бы раз-

витие характера молодого человека, Суровцев утверждал: «Глубокая внутренняя честность должна была бы привести Сашу к Гмызину, человеку действительно хорошему, настоящему коммунисту, но через суровую душевную борьбу. А ее-то и нет».

Критика удивляет легкость, с которой Саша примирился с правдой, высказанной Гмызиным о покойном Комлеве — отце юноши.

Приходилось ли вам наблюдать желторотого птенца, оторванного от родной стаи бурей? Видели ли вы, как доверчиво он отдавал себя под защиту другой стаи? Мне кажется, что Саша чем-то похож на такого птенца. Он чувствует, что Гмызин порядочный, не способный обидеть, и тянется к нему, хотя знает, что человек этот плохо относился к его отцу.

Возмущается он скорее не Гмызиным, а жесткой правдой жизни, поставившей его отца в положение человека, ненужного людям. Именно под влиянием «глубокой внутренней честности» не уходит он от Гмызина.

Неопытность Саши — скорее житейская неопытность. Он не умеет запрячь лошадь, не знает, как выращивают хлеб.

Большинство критиков эту житейскую неопытность восприняли, как признак морально-политической незрелости героя, и потребовали от писателя, чтобы он показал становление и созревание характера молодого человека, что вовсе не входило в его планы, ибо центром повествования является не отображение «гражданского развития молодого героя» и не решение вопроса, на чьей стороне правда.

Стержнем, вокруг которого развиваются со-

бытия повествования, является борьба людей за большую правду, по воле злого случая на время захлестнутую в тугой узел любящими народ, но не доверяющими ему комлевыми, любящими только себя и свои успехи мансуровыми, бесплодными и беспомощными, но способными заморозить любое живое дело, баевыми.

Очевидно, по этой причине «сам Мансуров и вся «история величия и падения» его получили великолепно».

Если бы Тендряков пошел по пути, указанному ему Суровцевым, то есть стал рисовать превратности судьбы Саши по дороге к правде, получилась бы весьма трогательная, драматически-насыщенная и поучительная история «становления» характера. Но читатель, ~~любящий~~ ~~бы~~ ~~бниги~~ действительности.

Разумеется, при анализе художественного произведения следует исходить из содержания анализируемого и через сравнение и сопоставление его с жизнью судить как о произведении в целом, так и о его героях. Критик должен видеть то, чем полна книга, что реально существует. Фантазия ему противопоказана.

Рецензенты же, отождествляя частное с типическим, дружно и почти единодушно говорили об отсутствии внутренних взаимосвязей, о рыхлости композиции и других недостатках, якобы присущих этой повести. И не увидели главного — показ мансуровщины, восприняли его как слабое место произведения.

Правда, некоторые из них уделили внимание и Мансурову.

Лебедева, например, уверяет, что когда Ман-

суров шел со своей папкой на бюро, то был настоящим коммунистом. Но, «став секретарем райкома, Павел, однако, неузнаваемо переменялся, из борца за правду превратился в карьериста». Смолянская, как и Лебедева, анализируя образ Мансурова, тоже расчленяет его характер на «досекретарский» и «секретарский» периоды и удивляется разительной перемене.

А я читаю повесть и думаю: да был ли Мансуров настоящим коммунистом?

Вот он, еще непризнанный вожак, заполняет черную папку, и мы склонны верить, что он истинный правдоискатель. Но тут же убеждаемся, что «правдоискательство» Мансурова — игра. Эта игра так искренна, так захватывает «актера», что не только сам он «поверил» в критику — знатоки намеков, но даже поддавшись очарованию, нарекли его настоящим коммунистом — борцом за правду.

Да и как не очароваться, коль «он будет бросать правду в глаза! Борьба за правду — значит бороться за счастье! Тут не может быть ошибки. Правды, приносящей людям несчастье не существует».

Но взгляните на этого «Прометея» с другой стороны, посмотрите на него тогда, когда «работа... не радовала. Кажется, агитация и пропаганда — лекции, политическая учеба, выступление самодеятельности — дело живое, но вокруг этого был какой-то бумажный круговорот», созданный самим же «Прометеем» и его единомышленниками. И вашу душу наполняют иные чувства. И вы подумаете: «Здесь что-то неладно...» Но вот вы слышите: «Если критика и самокритика

не будут действовать, если снизу народ не станет замечать ошибок, то обязательно наше планирование пойдет вслепую, обязательно оно станет ошибаться. Я, как коммунист, требую обсудить это не только на бюро, в тесном кругу, а и среди рядовых коммунистов!» И ваши сомнения улетучиваются, ваше сердце невольно наполняется уважением к этому смелому и принципиальному человеку. Вы думаете, думаете и внезапно вспоминаете вскользь брошенную писателем фразу: «...последнее время Павел все чаще, все тревожнее оглядывался на свое прошлое. Тридцать пять! Половина жизни, если не больше. А что он сделал, что оставил людям?..» И вы догадываетесь, что между этой фразой, черной папкой, смелым выступлением на бюро и неудовлетворением коршуновской действительностью, работой прямая связь. Теперь уже вы твердо знаете, что страх за бессмысленное прошлое — не опасение борца оказаться не у дел. Настоящий борец всегда найдет объект приложения своих сил. И вряд ли он будет заботиться о том, как потомки оценят его подвиги, потому что в своей борьбе он всегда наполовину в будущем и сам имеет право смотреть на результат своих трудов глазами потомков. Птичке, выющей гнездо для своих детенышей, страх неведом. Но кукушка, пожалуй, не всегда спокойно откладывает яйца в чужие гнезда. А вдруг застанут и погонят. А вдруг птенца не признают. А вдруг он не сумеет вышвырнуть из гнезда птенцов хозяев. Тут и начало нашего знакомства с подлинным Мансуровым, хотя он еще и не избран первым секретарем райкома.

Первый документ в черной папке — первый

штрих, раскрывающий характер Мансурова-карьериста. Папка — рубикон, вызов, брошенный в момент, благоприятный для осуществления честолюбивых замыслов. До смерти Комлева Павел бездействовал. Живого Комлева он боялся. Живой Комлев был силен, не то что Баев.

Заметьте, как веселеет борец за «правду» с увеличением объема папки. Не гнев, не возмущение вызывают в его душе эти печальные открытия, а радость. Чем вызвано это чувство? Почему член Коммунистической партии радуется тому, что в районе, где он проработал много лет, так много плохого?

Он уже заранее, еще не став секретарем райкома, чувствует себя вершителем судеб района. И как только понял, что «старался не зря», сразу же почувствовал удовлетворение жизнью. Коршуново и серенькая, незаметная мушкетерша его обитателей теперь уж не терзают душу страждущего подвигов. Забыто Заполярье, целина, гигантские стройки, куда так неудержимо влекло его еще вчера.

Будь настоящим коммунистом, Павел и при жизни Комлева нашел бы себе дело по плечу. На худой конец пошел бы в колхоз, где так нужны были толковые и энергичные руководители. Года за полтора до начала его деятельности борца за правду началась борьба с отставанием сельского хозяйства. Однако Павел остался на нелюбимой должности заведующего отделом агитации и пропаганды. Стало быть, его не удовлетворяла перспектива скромного борца за торжество и процветание колхозного строя. Он ждал иных высот, ему нужны широкие горизонты. Так кто и на каком основании посмеет

утверждать, что до избрания на пост первого секретаря райкома Павел Мансуров был настоящим коммунистом, был убежденным борцом за правду?

Художник показал, как карьеристам удается приспособливаться к жизни, как удается околпачивать даже таких трезво мыслящих и честных коммунистов, каким является Игнат Гмызин. Тендряков настойчиво подчеркивает общее для всех мансуровцев свойство — поразительное умение держать нос по ветру. Не будь они приспособленцами — не было бы нужды говорить о необходимости борьбы с ними. В том-то и беда, что внешне они выглядят наряднее прямых и честных Гмызиных.

Здесь же следует обратить внимание на своеобразие авторской характеристики Мансурова, которая нередко дается с точки зрения самого героя, что и привело некоторых критиков к механическому расчленению его характера.

Мы попытались обнажить истоки характера Павла Мансурова и заметили, что определяющей чертой его является органическая потребность в лицемерии.

Выступая на бюро в защиту «черной папки», Павел так вошел в роль борца за правду, что сам поверил в свое призвание. Этот щит, являющийся неременной принадлежностью всякого карьериста, позволяет использовать доверчивость людей для достижения корыстных целей.

Чтобы дать читателю возможность распознать Мансурова, писатель использовал своеобразный прием олицетворения неодушевленных предметов, в ходе развития повествования при-

штрих, раскрывающий характер Мансурова-карьериста. Папка — рубикон, вызов, брошенный в момент, благоприятный для осуществления честолюбивых замыслов. До смерти Комлева Павел бездействовал. Живого Комлева он боялся. Живой Комлев был силен, не то что Баев.

Заметьте, как веселеет борец за «правду» с увеличением объема папки. Не гнев, не возмущение вызывают в его душе эти печальные открытия, а радость. Чем вызвано это чувство? Почему член Коммунистической партии радуется тому, что в районе, где он проработал много лет, так много плохого?

Он уже заранее, еще не став секретарем района, чувствует себя вершителем судеб района. И как только понял, что «старался не зря», сразу же почувствовал удовлетворение жизнью. Коршуново и серенькая, незаметное участие его обитателей ~~тапору~~ уж не терзают душу страждущего подвигов. Забыто Заполярье, целина, гигантские стройки, куда так неудержимо влекло его еще вчера.

Будь настоящим коммунистом, Павел и при жизни Комлева нашел бы себе дело по плечу. На худой конец пошел бы в колхоз, где так нужны были толковые и энергичные руководители. Года за полтора до начала его деятельности борца за правду началась борьба с отставанием сельского хозяйства. Однако Павел остался на нелюбимой должности заведующего отделом агитации и пропаганды. Стало быть, его не удовлетворяла перспектива скромного борца за торжество и процветание колхозного строя. Он ждал иных высот, ему нужны широкие горизонты. Так кто и на каком основании посмеет

утверждать, что до избрания на пост первого секретаря райкома Павел Мансуров был настоящим коммунистом, был убежденным борцом за правду?

Художник показал, как карьеристам удается приспособливаться к жизни, как удается околпачивать даже таких трезво мыслящих и честных коммунистов, каким является Игнат Гмызин. Тендряков настойчиво подчеркивает общее для всех мансуровцев свойство — поразительное умение держать нос по ветру. Не будь они приспособленцами — не было бы нужды говорить о необходимости борьбы с ними. В том-то и беда, что внешне они выглядят наряднее прямых и честных Гмызиных.

Здесь же следует обратить внимание на своеобразие авторской характеристики Мансурова, которая нередко дается с точки зрения самого героя, что и привело некоторых критиков к механическому расчленению его характера.

Мы попытались обнажить истоки характера Павла Мансурова и заметили, что определяющей чертой его является органическая потребность в лицемерии.

Выступая на бюро в защиту «черной папки», Павел так вошел в роль борца за правду, что сам поверил в свое призвание. Этот щит, являющийся неременной принадлежностью всякого карьериста, позволяет использовать доверчивость людей для достижения корыстных целей.

Чтобы дать читателю возможность распознать Мансурова, писатель использовал своеобразный прием олицетворения неодушевленных предметов, в ходе развития повествования при-

обретающих роль «действующих лиц». Так, черная папка оставалась вещью, пока находилась в руках Павла. Но вот она попадает в обком и превращается в действующее лицо. Павел снова тоскует, забывает и о папке, и о недавних мечтах, и о том, что он — «борец за правду». А папка «живет» и борется, работает на Павла и в конце концов на своей спине выносит незадачливого бойца на гребень. Павел снова воспрянул духом. Не надо быть проникательным, чтобы, сопоставляя настроения Мансурова в разные дни его жизни (коллекционирование документов, выступление на бюро, поражение, рост популярности), прийти к выводу: Павел никогда не был борцом за правду, не был настоящим коммунистом.

Рисуя Мансурова не таким, каким он был на самом деле, а таким, каким казался стороннему наблюдателю, Тендряков помогает читателю глубже вникнуть в сущность карьеризма, помогает ему научиться различать корыстолюбие, подлость и эгоизм за патриотическими вывесками, учит его наблюдательности, которая должна явиться одним из сильнейших видов оружия настоящих борцов за правду. Слишком часто еще у нас судят о людях по их заверениям, по речам и плохо следят за тем, как воплощаются в жизнь щедрые обещания. А писатель говорит нам: «Будьте внимательны, не верьте словам, пока не убедитесь, что они не расходятся с делом, вникайте в природу человеческих поступков — это полезно для общества: мансуровым будет труднее шельмовать вас, и вряд ли удастся им вскарабкаться на вершину, которая служит един-

ственной приманкой, побуждающей их прикидываться великомучениками правды-матушки».

Мне думается, что писатель, ненавидящий человеческую фальшь, не стал заострять образа Мансурова, не стал превращать его в гротескную фигуру, чтобы заставить своих читателей крепче подумать и о жизни, и о мансуровых, и о том вреде и неприятностях, которые несут они в наши будни.

Итак, с помощью черной папки Павел Мансуров стал популярным не только в Коршуновском районе, но и в области. «Областная газета печатала его статьи о недостатках планирования. Первый секретарь обкома Курганов в своих докладах брал примеры из его папки».

До чего же тонкая натура у этих карьеристов! «Павел опустил на этот стул (имеется в виду стул секретаря РК КПСС). Его охватило радостное предчувствие больших дел, которые предстоит начать ему с этого места. Пусть пока еще не совсем ясно, что надо ломать и как действовать. Главное, он теперь первый человек в районе: ни комлевы, ни баевы не висят над головой. До сих пор он лишь трезво подмечал — там плохо, это нехорошо, подмечал и не отворачивался с равнодушием...»

Он и теперь лицемерит, не доверяет даже себе. Однако нам ясно, что не забота о благе ближних, не предчувствие больших дел — цель, достижению которой должен способствовать пост первого секретаря райкома.

Главное — сам себе и другим господин. Никто не висит над головой. Равнодушным он

не был. Сначала тайно от всех тосковал о карьере, а потом начал действовать и добился. А теперь старается убедить и людей и себя, что «не станет терпеть около себя равнодушных... начнет с ними войну». Удовлетворенный эгоист обольщает громкими лозунгами простаков. Он даже готов на самопожертвование. Он готов на «безжалостность» к себе во имя счастья тех, кто сейчас ходит за окнами райкома под падающим сухим снежком.

Критик Лебедева утверждала: «Став секретарем райкома, Павел, однако, неузнаваемо переменялся, из борца за правду превратился в карьериста». Мы же считаем, что, став секретарем райкома, Павел отчетливее проявился как характер. Положение хозяина района способствовало этому. Явление это вполне закономерно. Если бы карьеристы до поры до времени не умели прятать своих замыслов под личной бескорыстия, а в данном случае партийности, они никогда бы не достигли своих целей.

Осторожность никогда не мешает. И Павел, уже достигнув цели, продолжает разыгрывать роль настоящего борца-коммуниста: «Павел надеялся, что так же, как прежде... по цифре, по факту собирал папку, он будет стежок за стежком, кусочек за кусочком обновлять жизнь коршуновцев». Не достойны ли эти намерения настоящего коммуниста? И рядом с этими благими намерениями — самообольщение, вызванное крайним эгоизмом. Видите ли, ему казалось, что «даже колхозу «Сознание» будет невыгодно, если вместо него, Павла Мансурова, снова посадят на руководство нового Баева или

нового Комлева. Отсюда мудрый вывод: «Лучше не рисковать по мелочам».

Деятельность Мансурова-карьериста обусловлена доморощенной философской системой, по которой «только беспокойные люди двигают жизнью», а «люди спокойные», уравновешенные должны лишь подчиняться «неистойой силе беспокойных». Вот как обоснованно! И скоро и дешево! Если ты человек беспокойный, если не можешь найти себе дела по душе, если тебя не удовлетворяет действительность, стало быть тебе и карты в руки: руководи, веди вперед...

Как же Павлу не стремиться к высокой должности, если «всю жизнь ему не давало покоя одно смутное беспокойство», которое можно выразить словами: «не то». Обязанности делопроизводителя в конторе леспромхозовского орсра — не то, уехал в город, где перепробовал несколько специальностей — не то, поступил в институт — не то, заведовал отделом агитации и пропаганды райкома — тоже не то, потому что всюду над головой висели если не баевы, то комлевы. И только став секретарем райкома, почувствовал: «Вот оно — то», «Не подопечный Комлева или Баева, сам себе хозяин и другим голова».

К этому и только к этому, а не к борьбе за счастье незнакомых людей рвался он всю жизнь.

Однако Павел не дурак и знает, что «беспокойство без смелости становится беспомощной суетливостью». И он смел. Смел на областном партактиве, «смело» загнал старого председателя колхоза Федосия Мургина в петлю за то, что

его колхозницы не доглядели двух коров, смел на расправу с непокорными. Он и здесь действует не ради защиты государственных интересов. Он просто боится, что начальники потеряют в него веру, что подчиненные будут упрекать его, назовут хвастуном, беспочвенным авантюристом, то есть боится, чтобы люди не разглядели его настоящего лица. В этом страхе весь Павел.

Психологическая окраска характера Мансурова наиболее ярка и убедительна в эпизодах, показывающих рост его «популярности», в его раздумьях о жизни, о карьере. Мы видим его не только в поступках, знакомимся не только с его семейной жизнью, с тщеславными мечтами, философией, но и следим за эволюцией его мыслей, ощущаем его сомнения, переживания, наблюдаем, как он разговаривает с подчиненными и с начальством, как борется с Гмызиным и как терзается из-за боязни потерять доверие руководителей, потерять секретарское кресло.

С неподражаемым искусством психология Мансурова раскрывается в сценах, изображающих его взаимоотношения с картузом Федосия Мургина (Мургин по вине Мансурова покончил жизнь самоубийством.)

Картуз после смерти владельца превращается в своеобразный персонаж повести, в грозного обличителя (Мургин перед смертью выбежал из кабинета Мансурова, оставив там свой картуз). Характерно, что этот картуз попадает на глаза Павла в те минуты, когда он пытается уверить себя в бескорыстии, в якобы искреннем стремлении принести пользу народу, родине и одним видом своим, запахом пота покойного Федосия

разрушает эти иллюзии, рушит всю систему самообороны карьериста. И как живому человеку, Мансуров силится «заткнуть» ему рот.

Увидев картуз, Павел поспешно спрятал его в сейф. Но картуз и оттуда грызет совесть и появляется на столе Павла при свидетеле (к Мансурову пришла секретарь райкома комсомола Катя). «Может, легче было бы признаться начистоту перед всеми?» — думает Павел. И тут же решает: «Скажут: запутался, напакостил — каешься. Нет, Москва слезам не верит... Путь один... Вперед! Отступать поздно!»

Уходя, Павел захватил с собой картуз Мургина, на полдороге к дому бросил его за чью-то изгородь в густо разросшуюся крапиву. «Лежи здесь, недобрая память, пока не сгниешь от дождей».

Но злополучный картуз не утихомирился и после этого. Уже после падения Павла, он появляется на голове деревенского мальчишки и вынуждает Мансурова, нет, не перед людьми, перед собой, и того довольно, вывернуться наизнанку. «Не фатализм, — что тут особенного, если парнишка нашел брошенный Павлом картуз, не испуг, что могут опознать, что пойдут толки и перетолки, — на это теперь наплевать, — совсем другое встревожило Павла Мансурова. Встревожилась совесть... Ловчил, пакостил, даже перед собой притворялся, что-де для людской пользы суров и требователен... Блажь! Можно пережить унижение, можно смириться с тем, что будущее не удалось, но постоянно помнить о том, как притворялся, как изворачивался, лгал, лгал, лгал всем, вплоть до себя. Лгал попусту, ничего не добившись, ничего не получив

за это!» И даже здесь, в минуту откровенности, главное — не больная совесть, а обида на то, что средства не достигли цели. Он «хотел быть среди людей лучшим, хотел добыть для района первенство. Думал — заметят, оценят, выдвинут в область. На опыте коршуновцев — победа всей области... Чем черт не шутит. Не боги горшки обжигают. Так, должно быть, и вырастают люди, управляющие государством. Вот чего хотел». Получилось иначе...

Художник всегда, где это возможно, подчеркивает беспринципность Павла в выборе средств для достижения цели. И это оправдано природой карьеризма... Порядочность — для мансуровых пустой звук, бесплодная романтика. Авантюра Павла — одним рывком решить проблему животноводства — провалилась. Ну и что же? В запасе новая афера — строительство кормоцехов при отсутствии обыкновенных добротных коровников. Начальство хочет: Павел готов поддержать «ценную» инициативу Курганова. Авось кривая вывезет и он загладит вину, вновь всплывет на поверхность. И на этот раз Мансуров действует вопреки интересам партии и народа. И на этот раз он грозит, клеветает, принуждает, хотя прекрасно понимает, что прав не он и не Курганов, а те, кто робко сопротивляются ему. И эта-то робость придает уверенность, оставляет его хозяином положения.

А тех, кто сопротивляется, лезет на рожон, он заставляет замолчать. На худой конец скомпрометирует, как с помощью услужливого газетчика скомпрометировал Гмызина через областную газету.

Как видите, мансуровы во имя самосохране-

ния способны наплевать в душу человеку, могут без раздумий столкнуть его в пропасть, объявить врагом народа, предателем, кем угодно, лишь бы уцелеть, остаться у руля. Не они ли пытались утопить в парадной шумихе замечательные начинания нашей партии, наших тружеников?

Не в результате ли их стараний долгие годы тормозился процесс развития колхозного производства? Не по их ли инициативе мы иногда шарахались из одной крайности в другую? Вот маленький пример из жизни. В 1953 году, когда партия и правительство начали проводить твердый курс на повышение материальной заинтересованности колхозников в общественном производстве, в Новосибирской области шла борьба с нарушениями Устава сельхозартели. Обком направил специальных уполномоченных во все районы. Прибыли уполномоченные и в соседние Краснозерский и Веселовский районы. И тот, который приехал в Краснозерский район, оказался мансуровым. И что же? Он усмотрел, что колхозники этого района «нарушают» устав,— скашивают для овец, находящихся в личном пользовании, полынь и другие сорняки на пустырях. Чтобы добиться «правильного» сочетания личных и общественных интересов, уполномоченный запретил выкашивать полынь. Это «мудрое» мероприятие привело к массовому забою овец. Через год на колхозном рынке мясо вздорожало, редкостью стала валяная обувь.

В соседнем, Веселовском районе, куда был послан настоящий коммунист, ничего подобного не случилось.

А сколько людей, настоящих советских людей, было опорочено мансуровцами, подобно тому, как Гмызин был опорочен Павлом?

Борьба против Мансурова началась необычно. Началась протестом доведенного до отчаяния старика Федосия Мургина. Федосий, так можно подумать, борется за право остаться во главе колхоза. Но не в пример Павлу Мансурову, смысл жизни видит в служении народу. Этот человек понял, что для крестьянина единственный путь к счастью — колхоз, и гибнет, потому что мансуровы не дают ему спокойно заниматься любимым делом.

Самоубийство Мургина всколыхнуло душу Игната Гмызина, вывело его из безмятежного покоя и заставило переосмыслить поступки Павла. Он понял, какой опасностью грозит непотрошение злу...

Характеры положительных персонажей раскрываются в процессе этой борьбы против мансуровщины. До этого и Мургин и Гмызин — условные фигуры председателей колхозов, и рядом с Мансуровым выглядят схематичными. Их индивидуальные особенности мы видим через призму авторских описаний. Но вот они, каждый по-своему, сталкиваются с Мансуровым, и условные фигуры наливаются соками жизни.

Отражая зависимость человека от обстоятельств, писатель раскрывает лучшие черты характера Мургина: человечность, бескорыстную правдивость, неподкупную честность. «Он, Федосий Мургин, не собирается отыгрываться на Прасковье или на Куницыне. Подло свалить все огулом на глупую бабу, когда у той куча ребятишек, муж убит на фронте».

Характером Мургина как бы обозначена эволюция крестьянина-собственника, который любил жизнь корыстно, которому не давали покоя слова: «Мало! Больше надоть!», который себя не жалел, не жалел и жену, а потом прозрел и понял: одно интересное в жизни — колхоз... который своим умом дошел до истины: мало жить своим разумом, надо заставлять людей думать.

Мургин рано почувствовал неладное в поступках Мансурова. Но одно дело чувствовать, другое дело действовать. А Федосий одержим каким-то страхом перед начальством, из-за чего не способен на активный протест, отсюда его пассивность в борьбе.

Игнат Гмызин благодушен по иным мотивам — он наивно верит в непогрешимость руководителя, как верили в те годы почти все люди.

После актива областного совещания, на котором распределялся породистый скот по районам области, к Павлу Мансурову подошел секретарь обкома Курганов и заговорил: «Хватил — не постеснялся. Смело действуй. Что ж, на широкие плечи и тяжелый куль. Но будем требовать, чтоб весь скот прижился. Ни одной твоей жалобы, ни единой слезинки не примем во внимание. Помни!»... Федосий Мургин слышал этот разговор и, после того как Курганов отошел, проворчал, пряча недружелюбный взгляд от Павла: «Кому плакать, так это нашему брату...»

Павел оборвал его холодно, едва сдерживая раздражение: «Только уволь, раньше времени не плачь... Почему Гмызин не собирается плакать, а ведь у тебя стаж колхозного руководителя побольше, чем у него!

Стоявший в стороне, уже одетый, Игнат Егорович промолчал».

Откуда это непротивление злу? Почему молчит умный Игнат? Почему многоопытный Мургин стыдливо прячет глаза от неправого Мансурова? Противоречивость характера Мургина — результат многолетних усилий мансуровцев, умеющих пугать ответственностью, умеющих обвинять даже правых.

Единственное, на что способны мургины, протестуя против зла, — малодушный уход из жизни.

Игнат Гмызин — борец иной закваски. Этот не полезет в петлю, этого не легко вышибить из седла. Его слабость в благодушии, в недостатке пронизательности. Это слабости сильного, и они легко преодолимы. Пассивность — случайная черта его характера. По натуре он борец. Ничто: ни родственные чувства, ни дружба, ни авторитет противника, не остановят его на половине дороги.

Схватка Гмызина с Мансуровым — основной конфликт повести. Все остальные, в том числе и коллизия Саши — действительность, так или иначе относятся к нему, дополняют его, углубляют или служат фоном, на котором контрастнее выглядит противоборство сил добра и зла.

Мансуров чутьем разгадал в Гмызине своего смертельного врага и возненавидел его. Внешне борьба Гмызина против Мансурова выглядит буднично и неприметно. Кажется, что жизнь течет по-прежнему. Как и раньше, люди работают. В зависимости от обстоятельств, шутят, смеются, грустят, мечтают. Страсти таятся где-то под спудом. Беснуется только Мансуров. Да и

тот старается не показывать, что ему не по себе. Спокойствие тружеников как бы олицетворяет несокрушимость сил правды. И читатель проникается уверенностью: не затоптать мансуровым искру народного гнева, не затушить ее ни клеветой, ни угрозами. За поборником правды Гмызиным — народ, партия, их совесть, их непреклонная воля к победе. Мы уже видим, что Гмызин одолевает Мансурова. Карьеристу не помогают ни угрозы, ни клевета, ни обещание исправиться.

Но писателю с чего-то вздумалось сокрушить мансуровщину карающей десницей секретаря обкома партии Курганова (расправиться с «ненавистным ему и нам персонажем» административным способом). Заметим, что образ Курганова похож скорее на одушевленную инструкцию, нежели на современного партийного руководителя. Художнику не удалось показать эволюцию его характера. Внутренние противоречия Курганова неубедительны (сначала Курганов предоставил Мансурову полную свободу, даже поощрял его авантюры, а потом сокрушил его от имени партии и народа). Противоречия эти к тому же поданы не как проявления внутренней борьбы. Мы узнаем о них из авторских характеристик. Просчет этот, вероятно, вызван желанием писателя подчеркнуть пассивность Гмызина и его союзников, дабы убедить читателя в том, что мансуровщина сильна настолько, что люди, не наделенные властью, не могут одолеть ее. Именно ради этого и написана предпоследняя глава повести, в которой Курганов посылает Мансурова на учебу.

...И Мансуров понял, что «не стоило мучиться, лезть на стенку, отчаиваться вплоть до мыслей о самоубийстве». Он понял, что «есть великая спасительная сила — бумажка с подписями, подшитая в канцелярскую папку», бумага, на которой перечислены «заслуги» Мансурова перед партией и народом. Она сильнее Курганова.

Произведение Тендрякова привлекательно не только значительностью проблем, остротой сюжетных ситуаций, драматичностью повествования и своеобразием композиции. Повесть значительна рельефными человеческими характерами, раскрытыми на фоне яркой в своей простоте северной природы, массовых сцен с говором, поступками, чувствами разноликой и разноголовой толпы.

Этот многоцветный фон позволяет нам отчетливее видеть героев повествования с их радостями и сомнениями, злорадством и честолюбивыми мечтами, с жаждою справедливости и ненавистью к лжи и лицемерию, помогает нам отличить настоящих людей от фальшивых, потому что мы имеем возможность наблюдать за ними в быту, в борьбе, в сутолоке жизни.

Выразительность человеческих характеров в некоторой степени обуславливается скупой, но точной речевой характеристикой.

«Вот материалы о недостатках нашего района, выражающиеся главным образом... э, э... в планировании, кстати сказать, от нас не зависящем», — тяжеловесными фразами цедит Баев. И перед нами предстает человек нерешительный, трусливо-осторожный, по долгу службы привыкший произносить длинные полупустые речи.

«Вы меня знаете. Я всегда говорю прямо. В тех недостатках, что занес в эту папку Павел Сергеевич, есть и моя вина. И вели... и... кая!» — слышим мы и тотчас же догадываемся, что Зыбина — женщина хитрая, хотя и пустая, опытная в самокритической самообороне, хотя в действительности почти не приносит ни пользы, ни вреда, а так — болтается промеж людей. И авторская характеристика, данная ей в начале одной из глав повести, — ненужный довесок.

Умышленно краткие, подчеркнута энергичные фразы Мансурова, рассчитанные на схватывание на лету, изобличают человека властолюбивого, не терпящего возражений. А какая-то нервозность, отсутствие убедительной аргументации, декларативность намекают на внутреннюю фальшь говорящего. Спокойная, достаточно мотивированная, неторопливая, несколько грубая речь Игната Гмызина, пересыпанная диалектизмами, позволяет разглядеть кристальную правдивость и внутреннюю силу человека.

Некоторые из критиков желали видеть повесть сугубо прямолинейной, без сцен и эпизодов, не имеющих прямого отношения к ее идейному содержанию. Сообразно этому желанию они протестовали против изображения Мансурова в личной жизни, уверяли в никчемности образа Кати Зеленцовой, зачем-то сопоставляли его с образом Глазычевой из «Не ко двору»; возмущались любовной связью Саши с многоопытной Настей.

А разве отношения Павла с женой не дополняют его характеристики?

«То ли виновато его неумное беспокойство, то ли еще какая причина, но Павел чувство-

вал — ему день ото дня труднее становится жить с женой». Уже одного этого достаточно, чтобы почувствовать гадливость к философствующему подлецу.

А его ханжество в отношениях с Катей!.. И хочется... И боязно — вдруг дойдет до начальства...

Сравнивая его отношение к жене и Кате, мы приходим к выводу: Мансуров не способен любить горячо, самозабвенно, не способен хранить дружбу. А это о многом говорит.

Нетрудно объяснить и падение Саши. Если бы наши школьные воспитатели меньше опекали своих воспитанников, и если бы они не стыдились заниматься вопросами полового воспитания, как того требует Макаренко, не подменяли бы его беседами о дружбе и товариществе, Саша бы, вероятно, устоял против чар Насти.

Не могу я согласиться и с утверждениями тех, кто считает, будто сатирические образы Зыбиной и Сурепкина — неудача художника. Во-первых, и Зыбина, и Сурепкин — порождение мансуровщины. Мансуров хвалился прогнать их, а потом, спустя некоторое время, на них же стал опираться... Карьеристам невозможно жить без угодливых, бесхребетных, беспринципных и старательных подручных. Изображены же они великолепно. С чего же возмущаться их существованием на страницах художественного произведения, коль в жизни они здравствуют.

К тому же реальных зыбиных и сурепкиных легко опознать. А это облегчает нашу задачу разоблачения мансуровых. Мы узнаем их по спутникам.